

Ю. А. Лаучюте

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ
(на материале славянских балтизмов)***

Историческая лексикология, изучающая происхождение слов, прежде всего выделяет слова, заимствованные из других языков. Обычно для признания исконности слова или заимствования достаточно определить происхождение корня. Но, как известно, слова редко функционируют в чистом, «корневом» виде (особенно – в индоевропейских языках). Заимствующий язык, по мере усвоения и приспособления иноязычного слова к своей системе, не только не только изменяет его фонетических облик, но и «одевает» в свои словообразовательные форманты. Например, в процессе заимствования литовского слова *kūlys* ‘сноп, связка длинной соломы’ (= латш. *kūlis* то же) в восточнославянские языки, почти повсеместно происходило отсечение балтийского окончания *-is* > *kul* > русск. *куль* ‘пук, вязанка соломы, льна’ (запд.); белор. литер. *куль* ‘пук соломы, мотня (рыболов.)’; польск. запд. *kul* ‘сноп соломы, сена, льна и т.п.’, укр. *куль* ‘вымолоченный сноп, связка камыша’. Обычно рядом с этими формами широко употребляется и суффиксальный дериват *кулёк*, образованный уже на славянской почве. И в этом виде балтийское слово так вжилось в славянскую среду, что многие лингвисты отказывались видеть здесь заимствование из балтийских языков. Но в западнорусских говорах отмечен вариант *кул-іс-ок*, сохранивший полностью исконную балтийскую форму и значение, вместе с окончанием, за которым последовал славянский суффикс *-ок*. Это усилило аргументацию в пользу заимствованного характера данного слова, однако подобные случаи – редкая удача для этимолога. Особенно при исследовании балто-славянских языковых контактов, поскольку близость фонетической и словообразовательной системы этих языков вместе с исключительно длительным или совместным проживанием на смежных территориях делает древние взаимные заимствования трудноотличимыми от исконно родственных параллельных образований. На это уже неоднократно указывалось в исследованиях ряда ученых¹, но и сегодня нередко слы-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 00-06-80249а.

¹ Ср., напр. лит. *klōdas* и *sōdas* с одной стороны, и русск. *клад* и *сад*. Пара *klōdas*=*клад* обычно считается исконно родственной, а лит. *sōdas* считается заимствованием из русск. *сад*. Подробнее об этом см.: Ю. В. Откупщиков. Критерии разграничения исконной и заимствованной лек-

чаи, когда суждения об исконном или заимствованном характере некоторых слов базируются на интуиции ученого, а не на четко сформулированных критериях и аргументах. И это случается тем чаще, чем ближе друг к другу исследуемые языки.

Приведенный выше пример наглядно демонстрирует полезность привлечения к анализу не только корня, но и всех других словообразующих формантов, но порой и они бессильны помочь исследователю, так как заимствующие языки упорно работают над заимствованными словами, уподобляя их своим исконным. Например, вряд ли кто-нибудь усомнился бы в исконности происхождения белор. *крупник* ‘суп из крупы’ (в сев.-западных и сев.-восточных говорах), когда на виду и славянское слово *крупя*, и славянский же суффикс *-ник*. Особенности ареала легко объяснимы реликтовостью данной формы именно в данных диалектах. Однако наряду с этой формой засвидетельствованы еще и другие, тоже содержащие суффиксальное *-н-*, но с другим вокализмом и окончанием: белор. (сев.-вост.) *крупэня*, *крупень* ‘крупяной суп’, руск. (запд., сев.-запд.) *крупэня*, *крупень* ‘суп или жидкая каша из крупы’. Здесь уже трудно закрыть глаза на почти идентичное слово в литовском языке *kriopieñė* ‘суп из крупы’, образованное со специфически литовским суффиксом для названия разных блюд *-ieñė* (ср. *kiaušinis* ‘яйцо’ → *kiaušiniėnė* ‘яичница’ и т. п.). Впрочем, названия пищи балтийского происхождения с суффиксом *-ieñė* > слав. *-еня* / *-ень* / *-енья* и т. д. составляют весьма многочисленную группу: белор. (вильм.) *лапэня*² ‘весеннее кушанье из крапивы, лебеды, листьев свеклы, шавеля и др.’, польск. (Литва) *łapienia*, *łapienie* то же, *łopienie* (кашубск., поморск.) ‘конский шавель’ < лит. *lapiėnė* то же, от *lāpas* ‘лист’; белор. диал. *раўгэня* ‘род не кислого теста, особое кушанье; заквашенная солодуха’ (сев.-вост.); *рявгэня* (вильм.) ‘кулага’ (ср. также с переносным значением и совсем “ославяненным” суффиксом витебск. *раўгэша* ‘ротозей’); польск. диал. *rougienia* ‘еда из квашеной муки’; русск. (псковск.) *рявгэня* ‘заквашенная солодовая каша; сорт кваса’ < лит. *raugieñė* то же ← *ráugas* ‘закваска’; белор. *варгэня*

стики в балтославянском ареале (фонетический аспект) // Материалы XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I, Секция балтистики. Лексикология и лексикография балтийских языков. Тезисы докладов. 4-6 марта 2002 г. Филологический факультет СПбГУ. 2002.

² Здесь и далее примеры взяты из : Ю. А. Лаучоте. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск. Т. I. 1978 и след.

‘каша из молотых зерен, муки, теста’ < лит. **vargiẽnẽ*, от *vargas* ‘беда, горе, трудности’.

Существуют образования с этим суффиксом от корней, которые в самом литовском языке (или в диалектах) являются славизмами, независимо от происхождения соответствующих слов в самих славянских языках. поэтому наряду с прямым заимствованием из литовского языка, не исключена возможность, что литовский суффикс в пограничных славянских говорах стал использоваться самостоятельно для названий кушаний, напр. польск. (сейн.) *bulvienia* ‘суп из картофеля’, русск. (Литва) *гульбѣня* то же, *гульбениха* (южноповский) ‘картофельное пюре’, *бульбѣнѣха* (псковск.) ‘запеканка из толченого картофеля’, ср. лит. *bulviẽnẽ* ‘суп из картофеля’, восточн. диал. *galbiẽnẽ* то же (славизм), белор. диал. *цваклѣня* ‘еда из кислой свеклы’, ср. лит. диал. *svikliẽnẽ* ‘суп из листьев свеклы’ ← диал. (славизм) *sviklis* ‘свекла’ и т.д.

Настоящую самостоятельность в славянских языках приобрел балтийский (литовский) диминутивный суффикс *-(i)uk-as*, с помощью которого в диалектах белорусского, польского и украинского (преимущественно на Полесье) языков образуются имена существительные от корней, которые в самих балтийских языках не засвидетельствованы даже в качестве славизмов. Например, белор. (вост. Полесье): *багн’ук* ‘свиной желудок’, *баг’ук*, *бэг’ук* ‘начиненный свиной желудок’, *барканч’ук* ‘ребенок незамужней женщины’³, *вузм’ук* ‘шест, на котором крепится сетевой мешок’, *жаўру’ук* ‘жаворонок’, *казлю’ка* ‘сажень’; запад. полесск.: *вiд’ук* ‘снотворный мак’, *жарлю’к* (мозырк.) ‘рыба, проглоченная другой рыбой’, *кабанч’ук* ‘поросенок’, *казлю’к*, *казю’к* ‘козленок’, *казю’к*, *казю’ка* ‘козявка’, *камлю’к* ‘комель’ (вост. могил., витебск.), ‘приземистый человек’ (гродн.), ‘толстый ребенок’ (центр. Полесье), ‘дужка у плетеной посуды’ (зельв., гродн., новогруд., свисл.), *карзю’к* (могил.) ‘большой некастрированный кабан, хряк’, *карч’ук* (диал.) ‘небольшой пень’, *какалю’ка* (запад. Полесье) ‘палка, посох из самодельного поперечника’ (но не исключено и прямое заимствование из балтийских языков, ср. лит. ‘к.-л. уставший, измученный’, диал. *kakalỹs* ‘скамейка у печки’ → *kakaliũkas*) и т. п.

В ряде случаев славянскому образованию на *-ук^(a)*, *-юк(a)* со

---

³ В современном белорусском языке можно выделить даже особую подгруппу образований с суффиксом *-(i)uk-*, осложненную звуком *-ч-*: *чук*. Очевидно, здесь имела место аналогия со славянским диминутивным суффиксом *-чик*.

ответствует литовское слово, которое по происхождению корня может быть либо родственное славянскому, либо только балтийское (в этом случае славянское образование *-ук(а)*, *-юк(а)* является полным балтизмом), либо – заимствованное из славянских языков, и в данном случае мы имеем дело с весьма своеобразным гибридом.

К примерам первого рода относятся такие слова, как белор. (сев.-запад.) *аксцюкі* ‘ости’ < лит. мн. ч. *aks-ciùkai* ← *akstis* ‘ость’, белор. *ляшук* (постав.) ‘старый подберезовик’, польск. (Литва) *lapsauk* ‘старый червивый гриб’, русск. (Литва) *ляшук* ‘вялый, нерасторопный человек’ < лит. *lepšiùkas* ← *lėpšis* ‘подберезовик; старый гриб или вялый, нерасторопный человек’, белор. (браслав.) *гердук* ‘зоб у курицы’, польск. (браслав.) *g'erduk* то же < *gerdukas, ср. лит. *gèrti* ‘пить’, *gerklė* ‘горло’, *girdyti* ‘поить’, ср. белорусский балтизм той же семьи, но с другим суффиксом: новогр. *гярдзэль* ‘глотка’, волков. *г'ердз'олко* то же и т.д.

От родственных корней образованы такие балтизмы: белор. полесск. *вяпрук* ‘кабанчик’, ср. лтш. *vepris* ‘кастрированный борв’; польск. (сейн.) *ćipluk* ‘цыпленок < лит. *cypliùkas* ‘птенец’, звукоподражательное; белор., польск., русск., укр. *паршук* / *поршук* ‘поросенок’ < лит. *paršiùkas* от *paršas* ‘порось, кабан’, наряду с «гибридным» образованием белор., русск. диал. *парасюк* ‘кабан(чик)’ и т.д.

В качестве «гибридных» заимствований можно привести примеры: русск. (Литва) *бартук* ‘валет’ < лит. *bartùkas* то же < польск. *bartek*; польск. *durn'úk* ‘?’ сейн. < лит. *durniùkas* ‘дурачок’ ← *duřnas* ‘глупый’ (славизм), польск. (сейн.) *butel'uka* ‘бутылка’ < лит. *buteliùkas* ← *butelỹs* ‘бутылка’ (славизм) и т.п.

О древности проникновения балтийских слов в славянские языки свидетельствуют случаи, когда в славянском слове наличествует и балтийский корень, и балтийский суффикс, но соответствующее образование в балтийских языках не засвидетельствовано, ср. укр. (вост. Полесье) *тванюка* ‘топкое болото’, наряду с *твань* ‘болото’ < балт., ср. лит. *tvãnas* ‘потоп, наводнение’, лтш. *tvans* ‘смрад, чад’; белор. (вост. Полесье) *бундюк* ‘’, ср. лит. диал. (вост.) *bundã*, к литер. *bandã* ‘стадо; булочка хлеба’. Еще сложнее обстоит дело с происхождением укр. (полесск.) *жудюк* ‘воробей’, образованного с помощью суффикса *-юк* от корня *жуд-*, ср. белор. *жудã* ‘ужас’, русск. (курск., орл., смол., пск.) *жуда* то же, ‘беспокойство, нужда, лишения’, русск. *жудь* ‘тоска, грусть’ (→ русск. *жуть*, *жуткий* ?), белор. *жудасна* ‘жутко, ужасающе’.

жудыць ‘жуть, ужас’ и др. Авторы Этимологического словаря белорусского языка⁴, вслед за О. Н. Трубачевым, склонны отнести данную семью слов (без полесск. *жудю́к*) к праславянским диалектизмам, родственным лит. *žudyti* ‘убивать, умерщвлять’, хотя еще Е. Ф. Карский предполагал заимствование из балтийских языков⁵. Исконности славянских и балтийских слов, кроме специфического ареала, противоречит фонетика (слав *ж* ≠ лит. *ž* и т.д.) и словообразовательные форманты *-юк* в *жудюк* и *-ос* в *жудосна*, ср. также лит. запад. *žiaudūs* ‘суровый, беспощадный’. Балтийскому происхождению не противоречит и семантика: переход от ‘убивать, умерщвлять’, ‘суровый, беспощадный’ к ‘ужас, беспокойство, тоска, грусть’ кажется вполне закономерным и объяснимым.

Изучение словообразовательных особенностей ряда слов в северо-восточных славянских языках и диалектах, в которых выявляются суффиксы балтийского происхождения (прежде всего *-uk-*, *-iuk-*, *-ien-*), заставляют по-иному взглянуть на некоторые так называемые праславянские диалектизмы, которые при более внимательном анализе могут оказаться древними балтизмами.

---

⁴ Этымалагічны слоўнік ... Т. 3. 1975. С. 240-241.

⁵ Е. Ф. Карский. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие // Русский филологический вестник. Варшава. Т. XLIX, 1903. С. 1-23.